

РЕФОРМАЦИЯ И БРАТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в. – НАЧАЛА XVII в.

Значимой чертой общественной жизни Великого княжества Литовского второй половины XVI века являлось распространение идей Реформации, направленных на обновление традиционных церковных институтов и религиозной идеологии в духе евангельских идеалов. Белорусско-литовская Реформация институировалась главным образом в формах кальвинизма, антитринитаризма и лютеранства. В протестантизме она нашла свое конфессиональное выражение, но не исчерпывалась им. Определенные реформаторские тенденции были свойственны и братскому движению на белорусско-украинских землях в конце XVI–первой половине XVII веков. Возникнув во второй половине XVI века как преимущественно цеховые корпоративные торгово-ремесленные организации, братства к концу столетия трансформируются в национально-религиозные организации главным образом городского православного населения. Их деятельность была направлена на борьбу против унии и воинствующего католицизма, за свободу вероисповедования, развитие национальной культуры [16].

Особое значение придавалось братствами борьбе с "неустройствами" в православной церковной жизни. Многочисленные документы эпохи свидетельствуют о проявлениях деградации духовного сословия. Отмечался низкий уровень образованности духовенства, моральное падение и распущенность клира, разложение в среде церковной аристократии. "В храм божий ради золота и серебра, – писал М. Смотрицкий, – вторглись безо всякого избрания и доброго отзыва одни от корчмы, другие из придворных, иные из солдат и рекрутов" [6, с. 161]. Еще на Виленском православном соборе 1509 года признавалось "несправление и безчиние священническое... развращенна и от закона нашего преступления...". Одно из решений Собора предусматривало лишение прихода и отлучение от церкви священника, который "начнет дом свой держати в небрежении, безчинно... божественное службы не будет полнити по уставу, или упиватися начнет..." [12, с. 5-18]. "В духовенстве великие нестроения и между некоторыми нашими христианами разврат, несогласие, непослушание, бесчинства – от него во многих местах уменьшение хвалы Божией", – говорилось в постановлении церковного собора 1590 года [8, с. 626]. "Православие Греческое озимнело

и у взгорду пришло и во занедбание... наступовали на столице митрополитове и епископове неискусные... ленивые и недобрые настали, и так за ними порядки церковные у забвение пришли. Книги тые, що еще их позостало, порохом (пылью – В.С.) припали, и все набоженство пришло ко взгорде, так, иж не тылько стану шляхецкого, але и простого люде у иноверство и отщепенство приходили, от духовных соблазнени будучи", – писал автор "Перестроги" [1, с. 205].

В этих условиях братское движение стремилось к установлению контроля над клиром. Этому способствовали довольно широкие права братского самоуправления, включавшие надзор за религиозным благочестием как мирян, так и духовного сословия. В уставе ставропигиального Львовского братства, которое нередко служило образцом для иных братств, имелась норма о праве отлучения через братского священника от церкви, и тогда "ни протопоп, ни епископ не вправе благословить отлученного, пока он не покорится братству". Братству предоставлялись полномочия и в отношении не входящих в него лиц. Даже если "епископ пойдет против закона истины и станет править Церковию не по правилам святых апостолов и святых отцов, то такому епископу да противятся все как врагу истины" [10, с. 230]. Известен пример, когда на Брестском церковном соборе 1594 года по требованию братств за "пераследванне" львовского братства местный епископ был лишен кафедры. Там же было принято решение об обсуждении на поветовых сеймах кандидатур на занятие архиерейских кафедр [5, с. 27]. Идеологи братского движения, порицая "церковные неустройства", призывали за духовной властью "следить внимательно" [7, с. 82-85; 16].

Борьба за патронат над церковной жизнью ярко проявилась в истории Могилевского братства. Так, в 1590 году у нежелавшего подчиняться священника Троицкой церкви были отняты ключи от храма и возвращены лишь после принятия условий со стороны горожан: "мы тебя теперь опять попом ку той церкви берем и примуем и за духовника своего мети хочем; не будь же ты так пышным и гордым...". Примером практики договорных отношений между прихожанами и клиром может служить подписание священником церкви Воздвижения в 1616 году обязательств "абы церковь тая не пустела, але повседневная в ней хвала Божия была; из церкви никаких вещей без позволения шафаров (братских казначеев – В.С.) не брать и не иметь с прихожанами никаких преткновений; а по корчмам и складам для напитков ходити... картами, костками и некоторыми иными легкими забавами... богомерзкими... забавлятися не маю под страхом удаления от

церкви Воздвижения честнаго Креста" [3, с. 60-61]. Уже в начале XVII века могилевское братство установило контроль над большинством церквей города. Епископ лишился права на их доходы, братство избирало священнослужителей и заключало с ними специальные договоры, оставив за епископом проверку их богословских познаний [11, с. 95].

Свое влияние на церковную жизнь города Могилевское братство использовало и для противодействия унии. Священники даже не решались выезжать к униатскому Полоцкому архиепископу, в чьей церковной юрисдикции должен был находиться Могилев, поскольку иначе, по свидетельству одного из них, "будет трудно и даже опасно... возвращаться в город" [3, с. 42]. Упорная и продолжительная борьба велась мещанами с Полоцкими архиепископами (православными, затем униатскими) за контроль над кафедральным собором города [4, с. 3-6]. В октябре 1618 года в город не был допущен униатский Полоцкий архиепископ И. Кунцевич. В королевском декрете сообщалось, что мещане, "возмутивши весь народ против архиепископа полоцкого, приказали запереть городские ворота, поставили на городских валах орудия и вооруженных людей и по неприятельски вышли против полоцкого владыки с оружием в руках и хоругвями, не давали ему свободного прохода и не пускали его в наш город и крепость, ругали, позорили и хотели его убить" [2, с. 92].

Важно отметить, что, стремясь к упорядочению церковной жизни, братское движение не ставило под сомнение истинность православной веры, не посягало на ее канонические устои. По существу, складывается особый тип "братской реформации", или "братского реформирования", отличный от классической Реформации в форме протестантизма. Его чертами являлись борьба со злоупотреблениями духовного сословия, стремление к установлению контроля над клиром и церковной жизнью, выборность духовенства, а в духовной сфере – доступ мирян к Библии и другой духовной литературе на современном, понятном простому народу, языке.

Вместе с тем важно учитывать неоднородность братского движения, фактор воздействия на него некоторых идей местных и русских ересей, элементов протестантской идеологии. В 1592 году Виленский протопоп Порфенович жаловался, что "священники братские братства церковного новые речи и sprawy в церковь вносят, которых перед тем... николи не бывало" [1, с. 59-60]. В братской среде выделялись проповедники радикальных взглядов на переустройство церкви и общества в целом, чему способствовала практика проповеди вне церкви. "А што большая, – писал, отме-

чая "еретизм" в среде мещанства, униатский Киевский митрополит Ипатий Потей, – будучи свецкими людьми, и покинувши шило и дратву, ремесло свое власное, слово Божое, не будучи на то послани, проповедали..." [14, с. 937]. Ярким примером такого рода может служить деятельность проповедника Львовского, а затем Виленского братства Стефана Зизания. В своих выступлениях не только в церкви, но и на улицах, площадях, в ратуше он обличает католическую церковь, планы унии, православную иерархию, несправедливость властей. В изданных им "Катехизисе" и "Казанни святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе и знаках его..." проявляется и влияние некоторых радикально-реформационных идей. По уверению идейного противника Стефана Ипатия Потей, "старый баламут Стефанко Зизания... написал в своих книжках, иж Христос теперь... вже не ходотайствует о нас, против ясному писму апостольскому и против всем светым богоносным отцем церкви Восточное и Латинское. И так тою проклетою ересю своею, еще неслыханою Русь поблазнил, же его книжкам баламутными лепей, ниж евангелии, верят!" [13, с. 180]. О еретизме автора свидетельствовали иезуит Лащ, перешедший в унию Мелетий Смотрицкий и другие авторы.

Существуют разные мнения о степени богословских отклонений Зизания [9], но очевидны такие вольнодумные аспекты его мировоззрения, как игнорирование части церковной традиции, самостоятельность в интерпретации Священного Писания, сомнение в истинности традиционной христологии и учения о душе и загробном мире [15, с. 182-197]. Характерно, что Зизаний был осужден за ересь и преследовался проуниатски настроенным православным епископатом, но был оправдан на Брестском антиуниатском соборе 1596 года. Очевидно, что такая реакция на его "еретизм" была вызвана особенными обстоятельствами – необходимостью консолидации православного сообщества перед угрозой унизации. Более того, осознание общей опасности и общего противника в лице римокатолицизма способствовало даже известному примирению и солидарным действиям православных и протестантов (Виленская конфедерация 1599 года, др.).

Библиография:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Тип. Э.Праца, 1851. – Т. 4. – 574 с.

2. Вестник Юго-Западной и Западной России. – Киев: Тип. университета, 1862. – Декабрь, год первый, т. 2, кн. 6. – Отдел 1. – С. 71-284.

3. Дембовецкий, А.С. Опыт описания Могилевской губернии / А.С. Дембовецкий. – Могилев-на-Днепре: Тип. губ. правления, 1882. – Кн. 1. – 25, 782 с.

4. Жудро, Ф. Спасский монастырь в Могилеве / Ф. Жудро. – Могилев: Типо-Литография Ш.Фридланда, 1891. – 12 с.

5. 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі. – Мінск: НКФ “Экаперспектыва”, 1996. – 134 с.

6. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.

7. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие: в 4 ч. – Ч. 2: От Брестской церковной унии до второй половины XVIII в. / авт.-сост. В.В. Старостенко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова», 2015. – 264 с.

8. Карташев, А. Собрание сочинений: В 2 т. Очерки по истории русской церкви / А. Карташев. – М.: ТЕРРА, 1992. – Т. 1. – 686 с.

9. Ляўшун, Л.В. Светапогляд Стафана Зізанія / Л.В. Ляўшун // Весці Акадэміі. навук Беларусі. Сер. грамад. навук. – 2000. – № 4. – С. 102-109.

10. Макарий. История Русской церкви / Макарий. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – 560 с.

11. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII – XVIII стст. Людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Магілёў – Мінск: Веды, 1998. – 260 с.

12. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А.Траншеля, 1878. – Кн. 1 (РИБ. Т. 4). – 1448 с.

13. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А.М.Котомина и К⁰, 1882. – Кн. 2 (РИБ. Т. 7). – 1820 с.

14. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Сенатская тип., 1903. – Кн. 3 (РИБ. Т. 19). – 1300 с.

15. Подокшин, С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.) / С.А. Подокшин. – Минск: Наука и техника, 1970. – 224 с.

16. Старостенко, В.В. “Лабиринт” Фомы Иевлевича: Из истории национально-культурной и религиозной жизни Могилева и Беларуси конца XVI – первой половины XVII вв. / В.В. Старостенко. – Могилев: Изд-во Могилев. гос. ун-та, 1998. – 60 с.